

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 4 (56). С. 208—217
Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2025. N 4 (56). P. 208—217

Научная статья

УДК 94(47)“1851/1865”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.13

**«Если бы Самарская губерния не была подчинена оренбургскому генерал-губернатору, то ее теперь необходимо было бы подчинить»:
взгляд А. П. Безака**

Наталья Леонидовна Семенова

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, natalja_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9201-3842>

Аннотация. В статье проанализированы причины включения вновь образованной Самарской губернии в оренбургское и самарское генерал-губернаторство в середине XIX в. Исследование построено на основе архивных документов и имеющейся литературы. Автор приходит к выводу, что объединение Самарской и Оренбургской губерний в одно генерал-губернаторство было обусловлено необходимостью решения конкретных внешнеполитических задач: подготовкой Сырдарыинской экспедиции против Кокандского ханства и началом завоевания Россией среднеазиатских государств. С другой стороны, генерал-губернаторство было создано и «под» графа В. А. Перовского, который был назначен в край во второй раз и находился теперь во главе двух губерний, что подчеркивало его высокий статус. Должность генерал-губернатора носила «личный» характер, представляла собой «персональную, оперативную, надзаконную и харизматическую власть». В период проведения реформы 1861 г. по отмене крепостного права верховная власть оставила Самарскую губернию в составе оренбургского и самарского генерал-губернаторства из-за опасений крестьянских волнений, учитывая значительную долю крестьян-переселенцев в составе ее населения.

Ключевые слова: Самарская губерния, оренбургское и самарское генерал-губернаторство, гражданский губернатор, Комитет министров, крестьяне-переселенцы.

Для цитирования: Семенова Н. Л. «Если бы Самарская губерния не была подчинена оренбургскому генерал-губернатору, то ее теперь необходимо было бы подчинить»: взгляд А. П. Безака // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 4 (56). С. 208—217. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/56/13_56_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.56.13.

Original article

**“If the Samara province had not been subordinated to the Orenburg Governor-General, it would now have to be subordinated”:
the view of A. P. Bezak**

Natalia L. Semenova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, natalja_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9201-3842>

Abstract. The article analyzes the reasons for the inclusion of the newly formed Samara province into the Orenburg and Samara governorate-general in the mid-19th century. The study is based on archival documents and available literature. The author came to the conclusion that the unification of the Samara and Orenburg provinces into one governorate-general was due to the need to solve specific foreign policy problems: the preparation of the Syr Darya expedition against the Kokand Khanate and the beginning of Russia's conquest of the Central Asian states. On the other hand, the Governor-Generalship was also created “under” Count V. A. Perovsky, who

© Семенова Н. Л., 2025

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

was appointed to the region for the second time and was now at the head of two provinces. This emphasized the “personal” nature of the post of Governor-General, his “personal, operational, supra-legal and charismatic power”. During the 1861 reform to abolish serfdom, the supreme authority considered it necessary to leave the Samara province as part of the Orenburg and Samara Governorate General due to fears of peasant unrest, given that there was a significant proportion of peasant settlers here.

Keywords: Samara province, Orenburg and Samara governor-generalship, civil governor, Committee of Ministers, peasant settlers.

For citation: Semenova N. L. “If the Samara province had not been subordinated to the Orenburg Governor-General, it would now have to be subordinated”: the view of A. P. Bezak. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 4 (56), pp. 208—217. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.56.13>.

Введение

Российская империя сформировалась как гетерогенное государство, важнейшими признаками которого являлись поливариантные модели управления присоединенными территориями, разнообразные формы институционального взаимодействия и асимметричного распределения власти в отдельных регионах и макрорегионах.

Политика правительства, учитывая региональные особенности территорий, отвечала на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, сохраняла поливариантность местного управления. Одной из моделей макрорегионального управления, существовавшей во второй половине XVIII — XIX веке, стали генерал-губернаторства.

20 марта 1851 г. вместо оренбургского военного губернаторства было создано оренбургское и самарское генерал-губернаторство. Оренбургское военное губернаторство представляло собой довольно эффективную модель окраинного управления и просуществовало до декабря 1850 г. Затем в Среднем Поволжье и Южном Приуралье была образована новая Самарская губерния, объединившая три уезда Оренбургской губернии — Бугульминский, Бугурусланский и Бузулукский, два заволжских уезда Саратовской губернии — Новоузенский и Николаевский, два заволжских уезда Симбирской губернии — Ставропольский и Самарский [8]. В состав оренбургского и самарского генерал-губернаторства вошли Оренбургская, Самарская губернии, западная часть современного Казахстана (Зауральская (Малая) Орда) и Внутренняя Букеевская Орда, три казачьих войска: Оренбургское (с населением 202 тыс. человек), Башкиро-Мещерякское (927 тыс. жителей) и Уральское войско (74 тыс. казаков и казачек), Отдельный Оренбургский корпус — в составе пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей общей численностью 68 тыс. военнослужащих [7, л. 41—45].

В роли основателя оренбургского и самарского генерал-губернаторства выступил член Государственного Совета генерал от кавалерии В. А. Перовский, который высочайшим указом, данным правительству Сенату 20 марта 1851 г., был назначен на новую должность [12, л. 14]. В Департаменте общих дел МВД сохранилась запись об отсутствии сведений о том, «по каким особым уважениям оренбургскому военному губернатору присвоено звание оренбургского и самарского генерал-губернатора» [12, л. 14 об.]. Но особо подчеркнуто, что Высочайшее соизволение последовало «в собственоручной записи императора Николая Павловича» [12, л. 16].

Вопрос о создании Самарской губернии долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Они, как правило, ограничивались лишь упоминанием самого факта открытия губернских присутственных мест в Самаре 1 января 1851 г. [14, с. 101—102].

Впервые эта проблема стала предметом анализа в исследованиях Ю. Н. Смирнова. Он пришел к выводу, что создание Самарской губернии было связано с необходимостью поддержки со стороны правительства переселенческого движения и контроля за ним, а также с сокращением численности военно-служилого населения к концу первой тре-

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

ти XIX в. за счет притока крестьян-переселенцев, фактическим превращением края во внутреннюю губернию, значительным ростом крестьянского населения и необходимостью управления им, активным торговско-экономическим развитием региона [16, с. 102].

В 1840-е гг. правительство выселило крещеных калмыков, казаков бывших внутренних кантонов на новую пограничную линию, упразднило внутренние кантоны оренбургских казаков в Заволжье [10, л. 59, 66]. Это привело к появлению резервного фонда земель, которые могли быть заняты переселенцами. Заволжские земли постепенно превратились в один из главных районов, поставлявших товарный хлеб [10, л. 63]. Правительство, следуя традиционной имперской политике, признавало вотчинное землевладение башкир, рассчитывая на их лояльность и принимая во внимание их постепенный переход к оседлости [15, с. 168]. Кроме того, происходила постепенная унификация управления западными заволжскими уездами Оренбургской губернии (Бугульминским, Бугурусланским, Бузулукским), территории с башкирским населением по общероссийским образцам. Состав Самарской губернии определялся теми уездами, которые являлись многоземельными и представляли собой территории массового заселения [4, с. 7].

Таким образом, выделение Самарской губернии в самостоятельную административно-территориальную единицу было вполне закономерным и обусловлено изменением структуры населения, трансформацией управления, экономическим развитием региона, активным переселенческим движением, ростом хлебной торговли.

Образование оренбургского и самарского генерал-губернаторства в 1851 г. произошло в то время, когда фактически «завершилось превращение Самарского Заволжья в одну из коренных российских территорий. Это официально было признано в мнении Государственного Совета, утвержденном 14 ноября 1850 г. Николаем I и относившим Самарскую [губернию] к числу “внутренних губерний Империи” с “нормальными” чиновничими штатами» [16, с. 105].

Целью статьи является анализ причин подчинения Самарской губернии власти оренбургского и самарского генерал-губернатора в 1851 г. Предметное поле связано с рассмотрением позиции верховной власти, местной администрации в лице главного начальника края — гражданского губернатора на проблему пребывания Самарской губернии в составе генерал-губернаторства.

Хронологические рамки статьи включают период с 1851 по 1865 г., т.е. все время, в течение которого Самарская губерния являлась частью оренбургского и самарского генерал-губернаторства.

Источниковую базу работы составили материалы делопроизводства: журналы Комитета министров, всеподданнейшие отчеты гражданского губернатора и генерал-губернатора, переписка местных и центральных государственных учреждений.

В фонде 1286 Департамента полиции исполнительной МВД Российского государственного исторического архива отложилась отчетная документация на высочайшее имя, которая наиболее полно характеризует проблемы, существовавшие в губернии, предлагаемые пути их решения. Данные документы и пометки императора позволяют выяснить механизм обсуждения и принятия решений, случаи разногласий гражданского губернатора и генерал-губернатора.

Документы фонда 383 Первого департамента Министерства государственных имуществ РГИА дали возможность получить сведения о численности населения, земельной обеспеченности крестьян, уплате податей по губерниям Российской империи.

Материалы местных архивов, и прежде всего Объединенного государственного архива Оренбургской области (фонд Ф-6), содержат переписку руководителей края с цен-

тральными государственными учреждениями по вопросам управления Оренбургским краем.

В современной историографии учреждение новых генерал-губернаторств при Николае I связывают с территориальным ростом Российской империи [3, с. 125]. Генерал-губернаторства включали неодинаковое количество административных единиц — от двух до девяти. К началу правления Александра II эта модель объединяла 81,6% территории страны и 72,5% численности населения [3, с. 126]. Д. В. Васильев совершенно справедливо заметил, что российские генерал-губернаторства возникали в разное время, но их появление не было спонтанным, каждое «создавалось для решения конкретных внутри- и внешнеполитических задач» [3, с. 13].

В зарубежной историографии образование генерал-губернаторств рассматривалось как «уступка Санкт-Петербурга особой ситуации, сложившейся на окраинах» [17, с. 339—340]. Она могла быть обусловлена несколькими причинами: необходимостью «уважать политические традиции», существовавшие на окраинах (Финляндия, Прибалтика, Белоруссия); поддерживать безопасность на «нестабильных территориях» (Польша, Оренбург, Кавказ, Туркестан и др.); контролировать регионы с незначительным оседлым населением до тех пор, пока они не будут «в достаточной степени колонизованы» (Западная и Восточная Сибирь, Новороссия, Оренбургская губерния). Наконец, необходимостью наделения руководителей отдаленных территорий «достаточными полномочиями» в условиях слабо развитых «коммуникационных линий» (определяющий фактор в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке, дополнительный фактор — в Оренбурге) [1, с. 78].

Японский историк К. Мацузато подчеркивал «личный» характер власти генерал-губернатора. Генерал-губернаторство являлось институтом управления периферией, где было необходимо «установить персональную, оперативную, надзаконную и харизматическую власть» [6, с. 439]. Усиление функций генерал-губернаторов состояло в приоритете при формировании административной политики и правовых норм в отношении вверенного региона, решении кадровых вопросов, выполнении военных и «охраных» функций. «Личный» характер власти генерал-губернатора становился особенно наглядным, если он выступал «основателем» генерал-губернаторства [6, с. 440].

Результаты исследования

Образование оренбургского и самарского генерал-губернаторства было связано с активной фазой завоевания Россией среднеазиатских государств, с подготовкой военного похода на Ак-Мечеть в 1852 г. Удачное его осуществление должно было стабилизировать ситуацию на торговых путях, облегчить российскую торговлю и уменьшить угрозу для юго-восточных российских границ за счет создания Сырдарьинской оборонительной линии.

Новое назначение В. А. Перовского в Оренбургский край в качестве генерал-губернатора историки справедливо связывают с необходимостью решения новых задач: подготовкой Сырдарьинской экспедиции против Кокандского ханства и началом завоевания Россией среднеазиатских государств [5, с. 442]. В. А. Перовский, как человек честолюбивый, был довольно сильно расстроен неудачной Хивинской экспедицией 1839—1840 гг. и намеревался взять реванш, поэтому «испросил и получил должность генерал-губернатора после отставки В. А. Обручева» [14, с. 102].

Назначение графа В. А. Перовского генерал-губернатором подчеркивало «личный» характер этой должности. Как писал в своем всеподданнейшем отчете по управлению Самарской губернией за 1860 г. гражданский губернатор А. А. Арцимович, образование оренбургского и самарского генерал-губернаторства было продиктовано желанием императора удовлетворить личные интересы покойного графа В. А. Перовского. Он очень

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

много сделал для устройства пограничного Оренбургского края в первый период управления. Учитывая это, при втором назначении Перовского в Оренбург императору Николаю I «было неудобным по истечении девяти лет возвращать его на прежнее место в звании только оренбургского военного губернатора». Именно поэтому после образования новой Самарской губернии она была включена в состав генерал-губернаторства, а В. А. Перовскому было присвоено звание генерал-губернатора [12, л. 10].

Материалы всеподданнейшего отчета гражданского губернатора А. А. Арцимовича за 1860 г. и ход его обсуждения в Комитете министров позволяют выяснить причины подчинения Самарской губернии оренбургскому и самарскому генерал-губернатору, проанализировать позицию местной администрации и центрального правительства.

Как следует из отчета, самарский гражданский губернатор А. А. Арцимович считал подчинение своей губернии власти генерал-губернатора с самого момента ее создания нецелесообразным. Он писал, что просит отнести к его выводам не как к «мимолетному предположению», а как к «обдуманной мысли», которую разделяют все те, кто участвует в делах губернского начальства, и даже «покойный генерал-губернатор Катенин» [12, л. 11].

А. А. Арцимович действительно был хорошо знаком с положением дел в управлении Оренбургским краем. После окончания в 1849 г. Санкт-Петербургского Императорского училища правоведения он находился на государственной службе. Получив чин титулярного советника, он поступил в Первый департамент Правительствующего Сената на должность товарища (заместителя) столоначальника [13]. В 1857 г. приехал на службу в Оренбургский край, где занял должность чиновника особых поручений при оренбургском и самарском генерал-губернаторе А. А. Катенине, а в 1860 г. после отъезда в столицу самарского губернатора К. К. Грота, по его рекомендации, А. А. Арцимович стал исполняющим обязанности гражданского губернатора Самарской губернии.

А. А. Арцимович представил ряд аргументов по поводу нецелесообразности включения Самарской губернии в состав генерал-губернаторства.

Во-первых, он подчеркивал значительную территориальную удаленность места пребывания генерал-губернатора от Самары — 400 верст, что затрудняло административную деятельность.

Во-вторых, Оренбургская губерния была «населена военными сословиями, с небольшим числом городских жителей и полукочевыми племенами». Самарская губерния, напротив, в силу своего географического положения и преимущественно «чисто русского населения» может быть отнесена «к семье тех областей Европейской России, которые подчинены общему внутреннему государственному управлению». Промышленность губернии, земледелие и торговля «состоит вне всякой зависимости от элементов, входящих в область деятельности ген.-губернатора как правителя пограничного края» [12, л. 5].

Наконец, в-третьих, он считал, что должность генерал-губернатора — это еще одна дополнительная промежуточная инстанция в отношениях между министерствами, главными управлениями и местной губернской властью, которая замедляет производство и решение дел. Он прямо писал, что за прошедшие десять лет трудно назвать случаи, «где инициатива мероприятий для пользы и удовлетворения нужд Самарской губернии исходила бы от главного управления краем». Более того, центральные органы управления в экстренных случаях обращаются непосредственно к начальнику губернии, что «может повлечь обвинения со стороны генерал-губернатора в нарушении порядка» [12, л. 5].

Чтобы не быть голословным, А. А. Арцимович привел пример такого замедления в решении дел, связанный с реформой по отмене крепостного права. 14 марта 1861 г. он получил от генерал-губернатора А. П. Безака повеление о «даровании помещичьим кре-

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

стьянам прав свободных сельских обывателей», хотя Манифест уже был обнародован в губернии 11 марта. Схожая ситуация произошла при назначении мировых посредников. 13 мая 1861 г. Арцимович получил «предложения генерал-губернатора о содействии в назначении мировых посредников и открытии волостей», хотя основная часть мировых посредников уже находилась на местах, а волости уже были открыты в Самарском и Ставропольском уездах [12, л. 10].

Император Александр II передал предложения А. А. Арцимовича в Комитет министров с резолюцией: «Сообразить в Комитет, не будет ли действительно полезным отчислить Самарскую губернию из заведывания оренбургского и самарского генерал-губернатора» [12, л. 2]. В апреле 1861 г. этот вопрос рассмотрели в Комитете министров. Было решено запросить мнение оренбургского и самарского генерал-губернатора А. П. Безака, поскольку согласно «Общей инструкции генерал-губернаторам», утвержденной 29 мая 1853 г., никакая новая мера или любое распоряжение, относящееся до благоустройства, «общей пользы и казенного интереса в крае», не предпринимается иначе как по предварительному заключению генерал-губернатора [9]. Все представления министров на высочайшее имя должны были подробно излагать позицию генерал-губернатора, выступавшего одним из главных экспертов.

15 ноября 1861 г. А. П. Безак представил свое видение вопроса об «отчислении» Самарской губернии из ведения генерал-губернатора, которое кардинально отличалось от мнения гражданского губернатора А. А. Арцимовича. Александр Павлович заявил, что подчинение Самарской губернии генерал-губернатору нисколько не мешает «общему порядку гражданского управления». Тот факт, что значительную часть населения Самарской губернии составляют переселенцы из разных губерний, ставит ее «в исключительное положение по сравнению с другими внутренними губерниями». Кроме того, одна пятая часть жителей — «иноверцы христианских исповеданий», а в некоторых уездах численность башкир и татар, имеющих особенное управление, составляет до 62 000 душ [12, л. 19].

А. П. Безак подчеркивал важную особенность географического положения Самарской губернии: большая часть ее границ соприкасается с Оренбургской губернией, землями Уральского казачьего войска и Внутренней ордой, а восточная часть «врезывается в Оренбургскую губернию». Учитывая это, необходимо «единство административных мер: в пресечении болезней, в обеспечении продовольствия» [12, л. 19 об.]. Периодически происходят столкновения и драки жителей Самарской губернии с уральскими казаками за земельные угодья. Среди башкир и татар Бузулукского, Бугурусланского, Бугульминского уездов по-прежнему встречаются случаи конокрадства. В этих условиях только сосредоточение всей полноты власти в лице генерал-губернатора необходимо для прекращения волнений, чтобы исключить «взаимные столкновения этих ведомств, которые влечут неизбежную переписку». Наконец, большое значение в административном и торговом сообщении имела Волга, «служащая главным проводником», а Самарская пристань играла важную роль в среднеазиатской торговле [11, л. 4].

По поводу вывода А. А. Арцимовича о том, что генерал-губернатор не выступает инициатором в вопросах гражданского управления, А. П. Безак определил свою позицию так: «...неважно, от кого исходит инициатива, важно, чтобы была на пользу...». А главная роль генерал-губернатора, по его мнению, заключается в «возможности видеть действия подведомственных им губернских учреждений вблизи и в повременной ревизии, опасаясь которой многие злоупотребления не могут совершаться» [12, л. 20].

А. П. Безак считал, что Самарскую губернию важно оставить в подчинении генерал-губернатора «для предупреждения беспорядков», поскольку главный начальник края

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

распоряжается войсками, расположенными в крае. Значение этого факта резко возросло в связи с проведением крестьянской реформы. Безак писал, что по имеющимся у него сведениям «нельзя быть уверенным насчет спокойного окончания преобразования крепостного сословия, которое ни под каким видом не хочет расстаться с мыслью, что земля не есть его собственность и что присвоение ему таковой лишь отсрочено правительством на два года» [12, л. 31]. Поэтому главные сложности по реализации крестьянской реформы начнутся через два года: «...умы всех сословий здешнего края находятся в волнении, и... правительство должно зорко смотреть, чтобы не возникли где-либо важные беспорядки» [12, л. 32]. Власть гражданского начальства Самарской губернии достаточна для предотвращения незначительных беспорядков, так как в губернии расположена в основном пехота. Для прекращения же более крупных волнений необходимы конные казачьи отряды.

Вывод А. П. Безака был следующий: «...если бы Самарская губерния не была подчинена генерал-губернатору, то ее теперь необходимо было бы подчинить». В такое время ослабление местной государственной власти крайне опасно, а отделение Самарской губернии не только невозможно, но и вредно [12, л. 27].

Генерал-губернатор допускал, что определенный резон в отделении Самарской губернии есть, и правительство может вывести ее из-под подчинения генерал-губернатора. Но он предлагал сделать это при смене главного начальника края, «потому как при заведывании одной губернией ему будет присвоено звание Оренбургского военного губернатора». Безак добавил: «...пусть это будет не при мне», — справедливо полагая, что это будет означать понижение его статуса. Таким образом, А. П. Безак был уверен, что проведение реформы по отмене крепостного права и возможные волнения крестьян требуют сохранения власти генерал-губернатора и подчинения ему Самарской губернии.

Гражданский губернатор А. А. Арцимович в своем рапорте председателю Государственного Совета и Комитета министров Д. Н. Блудову от 24 января 1862 г. писал: «...мои предложения по отделению вызвали возражения Безака, потому что вопросу административному придан характер личный, прямо выразившийся в том, что отделение губернии может последовать только при смене главного начальника, потому как отделение будет рассмотрено как недоверие к лицу...» [12, л. 3].

Министр внутренних дел П. А. Валуев согласился, что Самарская губерния относится к внутренним губерниям Российской империи, которые управляются на основе общероссийского законодательства [12, л. 60]. Он также признал, что отдаленность Оренбурга от гражданской администрации Самарской губернии, от «местного начальства не только не способствует к облегчению правительственные средств, но, напротив, затрудняет». Но Петр Александрович был уверен, что отделение Самарской губернии от генерал-губернаторства в данный момент является несвоевременным, что «необходимо это провести тогда, когда будет возможно» [12, л. 60].

Мнение министра внутренних дел было положено в основу решения Комитета министров, зафиксированного в журнале Комитета 18 апреля 1862 г.: «...признавая, согласно мнения статс-секретаря Валуева, несвоевременным отделить ныне Самарскую губернию из ведомства Оренбургского генерал-губернатора, отложить обсуждение этого вопроса» [12, л. 61].

Дискуссия по вопросу о выведении Самарской губернии из подчинения генерал-губернатору выявила разногласия в высшей администрации края между гражданским губернатором и генерал-губернатором. 25 апреля 1862 г. гражданский губернатор А. А. Арцимович был переведен на должность попечителя Одесского учебного округа, что стало серьезным понижением в его карьере. Новое назначение гражданского губернатора, ве-

роятно, было инициировано генерал-губернатором, имевшим авторитет и поддержку при дворе. С 1 января 1863 г. А. П. Безак стал членом Государственного Совета.

Служебная деятельность А. П. Безака в Оренбургском крае была отмечена целой серией конфликтов: с начальником штаба Отдельного Оренбургского корпуса генерал-майором А. Л. Данзасом, сменившим его в этой должности полковником М. Г. Черняевым, которые в результате разногласий с генерал-губернатором были вынуждены покинуть Оренбург [14, с. 245].

В 1865 г. А. П. Безак также уехал из Оренбургского края: 19 января он был назначен командующим войсками Киевского военного округа и генерал-губернатором киевским, подольским и волынским. Деятельность генерал-губернатора А. П. Безака в Оренбургском крае была многогранной и результативной. Он разграничили земли Оренбургского казачьего войска и казахов, ввел гражданское управление в Оренбургском казачьем войске, построил Эмбенское укрепление, восстановил коммерческий тракт между западной и восточной частями края. Император отметил его службу высокой наградой — орденом Андрея Первозванного — за распространение в крае «гражданственности», устройство местной администрации, наведение порядка в степи и «соединение степных линий оренбургского и сибирского ведомств».

25 февраля 1865 г. последовал указ императора Александра II «об устройстве и разделении Азиатской России», который установил «изъять Самарскую губернию из ведения оренбургского генерал-губернатора» [12, л. 63]. Это изменение административно-территориального устройства обширного Оренбургского края стало частью серии масштабных преобразований: в мае 1865 г. Оренбургская губерния была разделена на Уфимскую и Оренбургскую, 2 июля 1865 г. было принято мнение Государственного Совета «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство», согласно которому окончательно упразднялась кантонная система управления.

Заключение

Несмотря на то что Самарская губерния в середине XIX в. относилась к числу внутренних губерний Российской империи с гражданским управлением, с 1851 по 1865 г. она была включена в состав оренбургского и самарского генерал-губернаторства. Объединение Самарской и Оренбургской губерний в одно генерал-губернаторство первоначально было обусловлено необходимостью решения конкретных внешнеполитических задач: подготовкой Сырдарьинской экспедиции против Кокандского ханства и началом завоевания Россией среднеазиатских государств.

Следует признать, что генерал-губернаторство было создано и «под» графа В. А. Петровского, который был назначен в край в 1851 г. во второй раз и находился теперь во главе двух губерний. Должность генерал-губернатора подчеркивала его высокое положение при дворе, носила «личный» характер, представляла «персональную, оперативную, надзаконную и харизматическую власть».

В период проведения реформы 1861 г. по отмене крепостного права верховная власть, опасаясь крестьянских волнений, сохранила Самарскую губернию в составе оренбургского и самарского генерал-губернаторства, принимая во внимание значительную численность крестьян-переселенцев на ее территории.

Реформы, подготовкой и осуществлением которых непосредственно занимался генерал-губернатор А. П. Безак, были напрямую связаны с проведением крестьянской реформы, составной частью которой они являлись. Кроме того, внешнеполитические успехи, а именно захват Туркестана, Чимкента и Ташкента, соединение Оренбургской и Сибирской пограничной линий, привели к переносу генерал-губернаторства дальше на восток.

Самарская и Уфимская губернии окончательно стали внутренними с обычным гражданским управлением.

Список источников

1. Беккер С. Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей. Казань : Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 67—81.
2. Васильев Д. В. Административно-территориальное деление Азиатской России 1860—1867 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 13—20. DOI: 10.17223/19988613/51/2.
3. Злобин Ю. П. Генерал-губернаторства в системе российского регионального управления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 7 (168). С. 124—129.
4. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней : в 2 т. / ред. кол.: П. С. Кабытов (гл. ред.) [и др.]. Т. 2 : Самарское Поволжье во второй половине XIX — начале XX в. / науч. ред. П. С. Кабытов, О. Б. Леонтьева. Самара : Слово, 2020. 480 с.
5. Марюткин В. В. Поход В. А. Перовского на Ак-Мечеть в 1853 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 436—442. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442.
6. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей. Казань : Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 427—459.
7. Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф. Ф-6. Оп. 6. Д. 13502.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе (ПСЗРИ II). Т. 25. Отделение второе. СПб. : Тип. II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1851. № 24708.
9. ПСЗРИ II. Т. 28. Отделение первое. СПб. : Тип. II Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1854. № 27293.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 381. Оп. 2. Д. 523.
11. РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674.
12. РГИА. Ф. 1286. Оп. 22. Д. 1478.
13. Самарские губернаторы: дела и судьбы. Время реформ. URL: <https://alabin.ru/virtualnye-ekskursii/samgubernatory/03.html> (дата обращения: 04.06.2025).
14. Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург : Оренбургское кн. издво, 1999. 400 с.
15. Смирнов Ю. Н. Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII—XIX вв. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4 (202). С. 161—173. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.069.
16. Смирнов Ю. Н. Причины и принятие решения о создании Самарской губернии: к 160-летнему юбилею // Самарский край в истории России : материалы межрегиональной науч. конф., посвящ. 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П. В. Алабина. Самара, 2012. Вып. 4. С. 101—106.
17. Becker S. Russia and the Concept of Empire // Ab imperio. 2000. № 3/4. С. 329—342. DOI: 10.1353/imp.2000.0032.

References

1. Bekker S. Rossiya i kontsept imperii [Russia and the Concept of Empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statei* [New imperial history of the post-soviet space. A collection of articles]. Kazan, Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii Publ., 2004, pp. 67—81. (In Russian)
2. Vasil'ev D. V. Administrativno-territorial'noe delenie Aziatskoj Rossii 1860—1867 gg. [The administrative-territorial division of Asian Russia. Discussion of 1860—1867th]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija — Tomsk State University Journal of History*, 2018, no. 51, pp. 13—20. DOI: 10.17223/19988613/51/2. (In Russian)
3. Zlobin Yu. P. General-gubernatorstva v sisteme rossiiskogo regional'nogo upravleniya [Governor-Generalships in the Russian regional governance system]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta — Vestnik of the Orenburg State University*, 2014, no. 7 (168), pp. 124—129. (In Russian)
4. Istorija Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 2 t. T. 2: Samarskoe Povolzh'e vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [History of the Samara Volga region from ancient times to the present day. In 2 vols. Vol. 2. The Samara Volga region in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Samara, Slovo Publ., 2020. 480 p. (In Russian)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

5. Maryutkin V. V. Pokhod V. A. Perovskogo na Ak-Mechet' v 1853 godu [V. A. Perovsky's campaign to the Ak-Mechet in 1853]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istorya. Mezhdunarodnye otnosheniya — Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, is. 4, pp. 436—442. DOI: 10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442. (In Russian)
6. Matsuzato K. General-gubernatorstva v Rossiiskoi imperii: ot etnicheskogo k prostranstvennomu podkhodu [Governorates-general in the Russian Empire. From an ethnic to a spatial approach]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: sb. statei* [New imperial history of the post-soviet space. A collection of articles]. Kazan, Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii Publ., 2004, pp. 427—459. (In Russian)
7. *Ob "edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg region]. F. F-6. Op. 6. D. 13502.
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. vtoroe (PSZRI II). T. 25. Otdelenie vtoroe* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second collection. Vol. 25. Section 2]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya S.E.I.V. kantselyarii Publ., 1851, no. 24708. (In Russian)
9. PSZRI II. Vol. 28. Section 1. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya S.E.I.V. kantselyarii Publ., 1854, no. 27293. (In Russian)
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archives] (RGIA). F. 381. Op. 2. D. 523.
11. RGIA. F. 383. Op. 9. D. 7674.
12. RGIA. F. 1286. Op. 22. D. 1478.
13. *Samarskie gubernatory: dela i sud'by. Vremya reform* [Samara governors. Their deeds and fates. A time of reform]. Available at: <https://alabin.ru/virtualnye-ekskursii/samgubernatory/03.html>. Accessed: 04.06.2025. (In Russian)
14. Semenov V. G., Semenova V. P. *Gubernatory Orenburgskogo kraja* [Orenburg region governors]. Orenburg, Orenburgskoe kn. izd-vo Publ., 1999. 400 p. (In Russian)
15. Smirnov Yu. N. Bashkiry Samarskogo Zavolzh'ya: vkluchenie v imperskoe prostranstvo Rossii XVIII—XIX vv. [Bashkirs of Samara Trans-Volga region. Inclusion into Russian imperial space in the 18—19th centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki — Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts*, 2020, vol. 22, no. 4 (202), pp. 161—173. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.4.069. (In Russian)
16. Smirnov Yu. N. Prichiny i prinyatie resheniya o sozdaniyu Samarskoi gubernii: k 160-letnemu yubileyu [Reasons and decision-making for the creation of the Samara Governorate: on the 160th anniversary]. *Samarskii krai v istorii Rossii: materialy mezheregion. nauch. konf., posvyashch. 160-letiyu Samarskoi gubernii i 125-letiyu so dnya osnovaniya Samarskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. P. V. Alabina* [Samara region in the history of Russia. Proceed. of the interregional sci. conf. dedicated to the 160th anniversary of the Samara Governorate and the 125th anniversary of the founding of the Samara Regional museum of history and local lore n. a. P. V. Alabin]. Samara, 2012, is. 4, pp. 101—106. (In Russian)
17. Becker S. Russia and the Concept of Empire. *Ab imperio*, 2000, no. 3/4, pp. 329—342. DOI:10.1353/imp.2000.0032.

Информация об авторе

Н. Л. Семенова — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

N. L. Semenova — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.07.2025; одобрена после рецензирования 20.08.2025;
принята к публикации 20.11.2025

The article was submitted 12.07.2025; approved after reviewing 20.08.2025;
accepted for publication 20.11.2025